

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ И СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гоптарева И.Б.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Академические свободы составляют часть международного образовательного права и рассматриваются в качестве принципа, на котором базируется деятельность университетов многих стран мира, в том числе, подписавших Болонский договор (1999). Под академическими свободами понимается ряд свобод и, связанной с ними, ответственности как со стороны самого вуза, ректората, профессорско-преподавательского состава, так и студентов за качество обучения, учения (учебы), вузовской науки. Категория «академическая свобода», известная еще с античных времен (Платоновская Академия), пережившая «ренессанс» в средневековье («свободные искусства»), получившая распространение в эпоху модерна («Наукоучение» И.Г. Фихте, который, кстати, был первым избранным ректором Берлинского университета, что на практике означало действие принципа академической свободы, пропагандируемый Фихте, и др.), по-новому стала осмысливаться в период постмодерна.

Сегодня академические свободы – узаконенное состояние высшей школы, которое нередко закрепляется конституциями, например, абз. 3 ст. 5 действующего Основного закон ФРГ, 1949 г. гласит: «Искусство и наука, исследования и преподавание свободны»; ст.43 Конституция РФ, 1993 г. закрепляет право на образование и принцип государственной поддержки различных форм образования, ст. 44 устанавливает гарантированный характер свободы научного, технического и других видов творчества, преподавания.

К академическим свободам непосредственно относятся три основные свободы:

– свобода исследования: ученый свободен а) в формулировании направлений своих научных изысканий, б) в выборе методологии, если это, конечно, не противоречит действующему законодательству, в) в оценке и распространении (публичные выступления, дебаты, научно-публицистические статьи и т.п.) результатов своих исследований, конечно, при условии соблюдения научной этики;

– свобода обучения: обучающий (профессор, доцент) обладает правом содержательно и методологически свободно конструировать свои занятия со студентами в формате учебного процесса, принятым в данном вузе, свободно выражать свое научное мнение, даже если оно противоречит общепринятому, с этой точки зрения, свобода обучения может восприниматься как свобода слова, позиции, в том числе и гражданской, в качестве академической специализации;

– свобода учения (учиться) – свобода выбора студентом в рамках общепринятых учебных (лекции, практические, лабораторные занятия, зачеты/экзамены) и внеучебных (всевозможные письменные виды работ, дипломная работа/проект, практика и т.п.) занятий. Эта свобода до

постмодернистского периода предполагала также и право выбора времени посещения занятий, и сдачи экзаменов согласно плану, составленному студентом и утвержденному научным руководителем, и право посещения занятий, и право выбора преподавателей, читающих аналогичные дисциплины (последнее право, к слову сказать, сохраняется в большинстве западных университетах). Эта свобода выбора давала студенту возможность в зависимости от направления подготовки самому устанавливать приоритеты в ходе учебного процесса: выбирать дисциплины углубленного цикла, два-три иностранных языка и т.п. Правда, такой выбор больше относился ко времени университетов индивидуального обучения, а после второй мировой войны, с распространением, так называемых, «массовых университетов» право подобного выбора стало ограничиваться, особенно в отношении установленных администрацией вузов планов/графиков учебного процесса, прежде всего, в отношении государственных экзаменов, которые в большинстве университетов теперь необходимо сдавать в строго установленные сроки, что для «вечных студентов» теперь означает непреодолимую преграду в получении диплома. Получается, что, с одной стороны, купирование этой свободы, в принципе, противоречит концепции академической свободы, а с другой,- подобные ограничения, и это нельзя не признать, вызваны возрастающей ответственностью обучающихся, научных руководителей за трудоустройство своих подопечных, что формирует потребность в нормативной корреляции между свободой и ответственностью.

Свобода учения предполагает также возможность для обучающегося вырабатывать свое научное мнение, умение и необходимость его выражать, в том числе, через публичные дебаты, конференции, выступления в СМИ, научные статьи и т.п. Это право позволяет студенту, с одной стороны, выражать свое несогласие с профессором, с другой, - требует приведение аргументации на основе научных знаний, оспаривающей постулаты учителя, что, в принципе, позволяет студенту овладевать искусством аргументации. Надо заметить, что получая большой объем свободы учения, вплоть до свободного посещения занятий, выбора дня и помещений (даже номера аудитории!) для сдачи экзамена, студент, вместе с тем, берет на себя и большую ответственность, выражающуюся, прежде всего, в хорошей (как крайний вариант), если не в отличной подготовке сдаваемых дисциплин. Излишне говорить, что студент на экзамене должен показать отличные знания по всему предмету, а не по 2-3 вопросам.

Отношение к термину «академическая свобода» со стороны академического сообщества со временем стало меняться: одни его представители (как правило, консервативно настроенные) стали использовать этот термин как защиту от критики, считая свои научные позиции и систему аргументации неоспоримыми, другие, с либеральным менталитетом, придающие большое значение свободам, относят академическую свободу к принципу, гарантирующему защиту академической автономии от вмешательства политических и экономических институций. Однако академические свободы как элемент позитивного права не могут быть

полностью независимы ни от экономических, ни от политических обстоятельств. Например, тенура, как один из видов академической свободы, одна из первых подверглась ограничению в университетах мира, начиная с последней четверти XX века, по причинам сокращения различных источников финансирования (государственного, спонсорского и т.п.), снижения спроса на научно-педагогических работников и т.д., что позволяет теперь университетской администрации использовать этот высококвалифицированный персонал в пределах ограниченного срока, без гарантий предоставления работы в будущем (1); или в результате и после террористического акта 11 сентября 2001 года, прежде всего, в университетах США стали предприниматься меры по ограничению информации, возведению барьеров для определенных направлений исследований, иностранные студенты и преподаватели были взяты под особый контроль (2, с. 110-112) и т.п. Конечно, как показала в дальнейшем практика, подобные ограничения, в принципе, не являются эффективной мерой в борьбе с терроризмом, но создают помехи в процессе обмена информацией, научных коммуникаций в сфере академического сообщества. Поэтому возникла необходимость по-новому осмыслить дефиницию и сферу применения термина академической свободы. Так, если Роберт С. Пост, профессор права Йельского университета, считает, что жизнеспособность института академической свободы основана на академических нормах, утвержденных и получивших признание академического сообщества (фактически это означает, что они являются легитимирующим условием для академических свобод), то Юдит Батлер, профессор риторики и сравнительного литературоведения университета Калифорнии, Беркли (США), хотя и соглашается с тезисом Р. Поста (3, с. 75-76) о том, что академическое самоуправление, являясь основой для академической свободы, должно найти легитимное основание против нелегитимного политического или административного вмешательства в программу обучения или в процедуру занятия вакантных мест, тем не менее, выражает озабоченность тем, как следует воспринимать академические нормы – как научные или как дисциплинарные, какие из них в большей степени способны гарантировать условия или предпосылки академической свободы, и видит противоречие в том, что легитимность (в данном случае, имеется в виду вынужденное признание академическим сообществом установленных образовательной администрацией правил под давлением тех или иных политических и/или экономических обстоятельств) этих норм не только угрожает академической свободе, но и выпадает из установленных параметров ее защиты. Как известно, научные нормы, частично интерпретируемые и как дисциплинарные нормы, легитимируют академическую свободу, но здесь возникает вопрос, что и когда легитимируют эти все-таки разные по своим формальным последствиям нормы? Получается, что мы должны признать нормы, которым отказываем в доверии или, по крайней мере, подвергаем сомнению. Противоречие здесь кроется в следующем: или научные нормы следует подвергать ограничению, или они должны выдержать внутриуниверситетскую проверку/тест/экзамен, если мы хотим гарантировать академическую свободу.

Смысл академической свободы тесно связан с самоуправлением высшей школы. Свобода обучения гарантирует академическое самоуправление, поскольку предполагает предоставление обучающим права разрабатывать учебные планы, программы дисциплин и т.п., то есть всё то, что позволяет им подтверждать свои научно-педагогические компетенции.

Автономия высшей школы и академическое самоуправление являются институциональной гарантией свободы исследования, выдвижения и формулирования теорий, свободы методов обучения студентов. Именно в этом секторе высшие учебные заведения должны быть независимы от излишнего вмешательства как со стороны государства, так и потребительского общества. Эта гарантия обусловлена позитивным правом, главным признаком которого является законодательно очерченная граница между государством и обществом, что в нашем случае предполагает законодательную защиту как в процессе получения образования, так и – свободной научной деятельности в условиях, необходимых для подготовки высококвалифицированных специалистов, готовых конкурировать на международном рынке труда (современное оборудование, новейшие технологии обучения, лаборатории, полигоны, клиники и т.д.). Поэтому только при условии самоуправления высшей школы и гарантии академической свободы может быть обеспечена результативность высшего образования, которая напрямую зависит от свободы мысли, слова, свободы построения и выдвижения концепций и теорий, не подвергающихся давлению, от кого бы то ни было: ни научных авторитетов (бывших и настоящих), ни вышестоящих инстанций в лице чиновников от образования, ни политиков. Реализация академической свободы исследований выражается в создании научно-исследовательских, творческих коллективов, способных на неординарные научные открытия, получение международных премий и т.п., поскольку процессом научных открытий может управлять только ученый, нуждающийся лишь в правовом обеспечении, а также – в материальном подспорье со стороны государства или частных лиц, а для этого необходимы, как минимум, такие элементы демократии, как: «открытое общество» и рыночные отношения. Кроме того, именно институциональная гарантия как элемент конституционного домена обязывает и законодателя, и высшую школу предоставлять свободу творчества, научных изысканий в рамках вузовского самоуправления, что вовсе не означает освобождение от ответственности исполнения служебных обязанностей субъектов научно-образовательной деятельности, установленных как национальным образовательным законодательством, так и внутривузовскими нормами.

Институциональная гарантия обязывает законодателя и вузы обеспечивать такое управление, в результате которого предоставленные государством средства, оборудование и т.п. должны в полной мере использоваться для научной деятельности и обучения студентов в рамках законов, способствующих развитию вузовского самоуправления.

Безусловно, для реализации академических свобод, самоуправления немалое значение имеет политический режим: если он демократический, то действующие институты, принципы, механизмы принятия решений, способствуют созданию демократической среды и в вузе, конструктивному

реформированию образования, творческому поиску университетских исследователей и т.п. В «открытом обществе», где гарантируется свобода мнений, слова и признается оппозиция (оппонирование), где индивиды способны на критическое мышление и здоровое восприятие действительности, альтернативные позиции и т.п., обучающие и обучаемые в большей степени могут быть готовы к участию в университетском самоуправлении, в научном просветительстве. Уровень демократии в значительной мере определяет динамику инноваций в образовании. Поэтому в демократическом государстве автономия высшей школы, с одной стороны, является гарантией академических свобод, с другой, - инструментом формирования демократических отношений в высшей школе.

Сегодня процесс модернизации высшего образования выражен двумя противоречивыми тенденциями – позитивной и негативной. Первая – оптимизация вузовского образования – обеспечивает растущую потребность в квалифицированных специалистах, умеющих профессионально использовать новые технологии, технику, естественнонаучные достижения и т.д., в гуманизации научного прогресса, в применении научных достижений на благо человека, в широком использовании дипломированных специалистов в различных сферах общественной жизни и др. Вторая – «индустриализация» (а с последней четверти XX века – «постиндустриализация») высшей школы – превращает университет в административную единицу комплексного учреждения, занимающегося одновременно и научно-исследовательской работой, и массовым обучением студентов через структуризацию вуза по образцу и подобию предприятия (завода, фабрики и т.д.) с его договором о найме и т.п. «чисто рыночными» отношениями и т.п., что противоречит требованиям свободы творчества, гарантирующей успешное развитие науки, передовых технологий, творческой мысли, т.к. во главу угла здесь ставятся не способности, талант, передовые методики и техники, а формализованные отношения между вузом, обучающими и обучаемыми. Сдерживающими факторами в успешном развитии вузовского образования чаще всего являются, во-первых, чрезмерная опека научно-педагогических кадров, обусловленная дефицитом университетского самоуправления, вследствие чего – односторонность исследовательских направлений, во-вторых, зависимость научных исследований от источников финансирования («заказывает музыку тот, кто платит»), что далеко не всегда совпадает с научными интересами, направлениями университета, в-третьих, слабовыраженные взаимосвязи между многочисленными субъектами научных исследований: кафедра – факультет – вуз – предприятие (офис и т.д.), или, лучше сказать, отсутствие механизма обратной связи между ними.

Сегодня все более очевиден разрыв между потребностью общества и интересами государства в определенном роде специалистов и подготовкой их вузами, выражаемый, в первую очередь, несоответствием между спросом и предложением, между уровнем полученных знаний, образования и реальными условиями их применения. Из ряда причин, объясняющих такое положение вещей, наиболее зримой, на наш взгляд, является дефицит автономии высшего

учебного заведения или вузовского самоуправления, под которым понимается самостоятельность вуза в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке.

Несмотря на то, что в российских вузах присутствуют формальные элементы самоуправления (выборность управляющих органов институтов высшего образования, участие всех членов академических сообществ в управлении академическими и административными делами, самостоятельное принятие решений, касающихся управления и определения политики образования, исследования, просветительской работы, размещение ресурсов и т.д.), однако «отеческий» контроль государства над образованием очевиден, и это не удивительно, так как самоуправление в отдельно взятой сфере авторитарного государства, вряд ли возможно. Впрочем, предпосылки формирования основ самоуправления в российских вузах все же имеются. Так, объективная функция самоуправления высшей школы, вырастает из обязанности государства гарантировать его гражданам равный доступ к образованию. На практике это означает необходимость предоставления государством таких социальных услуг, которые с одной стороны, являются обязательными предпосылками для поддержания и динамичного развития совокупного общественного производства и всей общественно-политической организации в целом, которые не могут в подобном качестве выполняться никакой другой, общественной структурой, а, с другой стороны, - эти социальные услуги востребованы обществом как гарантия реализации гражданских прав и свобод (4).

Развитие науки, широкое применение ее результатов практически во всех сферах жизнедеятельности общества является основной предпосылкой поддержания общественного процесса производства и жизни современного постиндустриального общества, дальнейшее развитие которого не может быть гарантировано в рамках какого-то одного способа производства, и в этом смысле только социальное государство может обеспечить реализацию самоуправления во всех сферах общественной жизни, в том числе, и в сфере образования, что, несомненно, должно улучшить его качество. Даже пример советского государства, особенно в период наибольшего вложения бюджетных средств в социальную сферу (примерно 50-60-е годы), с его отдельными элементами формального самоуправления свидетельствовал о неплохих результатах качества подготовки специалистов, особенно технических и естественнонаучных направлений.

Список литературы

1. «*Der Tenure Track bietet nur wenige Gewissheiten*» [URL]// *Forschung & Lehre*. – 01.01 2013. – <http://www.forschung-und-lehre.de/wordpress/?p=12485> – Дата обращения: 10.12.2014.
2. *Butler, Judith. Academic Norms, Contemporary Challenges: A Reply to Robert Post on Academic Freedom // Academic Freedom After September 11.*

Edited by Beshara Doumani. – Zone Books: New York, 2006. – ISBN 1-890951-62-5; ISBN 1-890951-61-7 (pbk). – P. 107-142.

3. *Post, Robert. The Structure of Academic Freedom // ibid. – P. 61-106.*

4. *Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. – Режим доступа:*

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143/ – *Дата обращения:*
05.12.2014.